

*Злую тварь в него бросать.
Первым — жабы мерзкий зев,
Что, во сне оцепенев,
Средь кладбищенских камней,
Яд скопьяла тридцать дней...
И змеи болотной плоть
Надо сжечь и размолоть,
Лягвы зад, червяги персть,
Пса язык и мышцы шерсть,
Жало змей, крыло совы,
Глаз ехидны — вместе вы
Для могущественных чар
В адский сваритесь навар...
Кость дракона, волчье ухо,
Труп колдуньи, зуб и брюхо
Злой акулы, взятой в море,
В мраке выкопанный корень,
Печень грешного жида,
Желчь козла кидай сюда,
Тис, что ночью надо красть,
Нос татарский, турка пасть,
Палец шлюхина отродья,
что зарыто в огороде...
Кровь из павианьих жил,
Чтоб состав окреп, застыл*¹⁷

(1936, 5, с. 408—409).

Ведьмовский состав этот словно составлен по алхимическим прописям: точнейшая предметная реалья — она же и понятие, оторванное от вещи (*палец шлюхина отродья, печень грешного жида, пасть турка, татарский нос, желчь козла...*). Предмет здесь всегда шире самого себя. Он универсален. Зато объект единичен и зрим. Вместе же достигается неповторимо алхимическая единичная всеобщность — всеобщая единичность.

И все-таки алхимический тон этого жуткого варева — беззастенчивая стилизация подлинно исторических алхимических рецептов. Намеренная, вне средневековья затеянная стилизация. Первое культурное приключение алхимического рецепта, ставшего образом культуры. Билет в иные, послесредневековые времена, выданный *Шекспиром* исчерпавшей себя рецептурной алхимической культуре времен средневековых. Сама же алхимия навсегда уходит в историю, живую постольку,

¹⁷ Король-демонолог *Яков I*, беседуя с *Шекспиром*, будто бы сказал: «У шотландских ведьм нет бород, это вы их спутали с немецкими. И поют они у Вас не то. Как достоверно выяснено на больших процессах, ведьмы в этих случаях читают «Отче наши», только навыворот» (Домбровский, 1969, с. 174—175). Дьявольская изнанка христианского канона. Алхимическая изнанка.